

КУДЕСНИК СЛОВА

К 75-летию
А. М. ЛЕОНОВА

В КОНЦЕ прошлого века, 31 мая 1899 года, в старинном московском Зарядье Максим Леонидович Леонов, поэт-демократ и революционер, известный под именем Максим Горького, написал стихотворный «Завет» на рождение первенца сына:

Мой сын, а если суждено
тебе в столице жить
И, как отцу, судьбой дано
певцом народным быть,
То в песнях пламенных
твоих ты не криви душой.
Мой сын, пусть чист твой
будет стих, как чист
родник живой...

Именно сегодня уместно вспомнить простые и мудрые стихи эти, ибо им и их ровеснику-адресату Леониду Максимовичу Леонову исполняется 75 лет. Уместно еще и потому, что отеческому завету суждено было сбыться. Пройдет не так много времени, но времени великих революционных перемен, и первый нарком просвещения А. В. Луначарский будет говорить о «новом поколении с Леоновым во главе», о его «сочном народном языке», об отражении «громких социальных конфликтов с изображением их внутренней пружиной». «Он (Леонов. — Н. К.) — всю Русь обогнул, да какую Русь! После революционную. Он принес огромное содержание и старается его отразить, понять сам. Он, молодой, он жаждет прийти к положительным выводам... много страшного он встречает, но он гребёт против течения. Он честно изображает все ужасы жизни, но старается не ослабить свою веру в партию, в проснувшийся народ».

В глубокой характеристике этой все справедливо. Признание пришло сразу и навсегда. Совсем неслучайно при этом наряду с новым молодым революционным читателем Леонов был признан большими мудрыми стариками, представлявшими совесть русской культуры. Живший в Финляндии И. Е. Репин писал в 1923 году И. С. Остроухову: «О, как Вы заинтересовали меня Леонидом Леоновым — пожалуйста, присылайте что можно и как можно».

Это и понятно, ибо старшие мастера культуры почувствовали в молодом Леонове не прерыв традиций, а их сохранение и развитие — Россию обновленную, другую.

В острой ли публицистике, со сценических ли подмостков, в психологических и эпических глубинах романа — всегда у Леонова диалектическое единство времен в их трехмерности прошлого, настоящего и будущего.

Стремительность и многосложность нашего века особая, и быть летописцем его — значит неустанно заботиться о том, чтобы найти и убедительно показать нам то самое важное, существенное, что переводит вчерашний и сегодняшний день в завтрашний. И действительно леоновские «Барсуки», «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан», «Русский лес», его пьесы «Нашествие», «Лёнушка», «Золотая карета» — все это высокие образцы искусства, вторжения в жизнь, умения проникать в животрепещущие проблемы жизни.

«Всю нашу действительность мы равняем по будущему, и как до убожества мало мы смотрим в него глазами наших книг, которые должны приглашать туда современников», — говорит и сам Леонов.

И здесь уместно сказать о разнице Леоновым неустанно беспокоящей его мысли о связи поколений, соизмеряемой не только понятием «современник», т. е. живущий в одно время, как бы по фланговому соседствующему расположению, но и в глубь времени.

В давней его статье, например, «Падение Зарядья» речь шла не только и не столько о прикремлевской московской низинке и, конечно, не о достоинствах тогда еще потенциального, а ныне воздвигнутого здесь архитектурного комплекса. Речь шла, разумеется, о решительном до основания сокрушении зарядной Руси и о небывалой, еще только про-

растающей новизне, утверждаемой усилиями революционного народа, берущего с собой из прошлого то, без чего невозможно жить внове. И добрые, мудрые книги Леонova, несущие необыкновенные духовные богатства, прививают, растят любовь к Отечеству. Понятия Советской Родины, Отечества, патриотизма у Леонova звучат в их истинной сути.

От навсегда запомнившегося, недавно описанного в «Правде», незаметного своего присутствия при внутреннем восторге красноармейца, замороженного девиантовским стоком сена в Третьяковке, до его сталинградского подвига и космического взлета Гагарина — усматривает художник единую сущность бытия современного советского жителя и человека будущего.

Так же всматривается писатель в подвиг ярославской ткачихи Терешковой, соотнося его с горькой родословной русской женщины, навечно означенной в русской поэзии великим Некрасовым.

Если старшие, и не только по искусству, хорошо относились к Леонову, то и он отвечал им тем же. Когда он повествует о нелегкой жизни своей, то говорит не столько о себе, сколько о них. Не успев подарить первые свои книги первому учителю Митрофану Платоновичу Кулькову по причине его смерти, автор «Взятия Великошумска» любовно описал в этой повести доброго своего наставника. И каждый раз, рассказывая о себе, он непременно вспоминал слесаря Александра Васильевича Васильева, приютившего его в маленькой мастерской на Якиманке после возвращения с фронтов гражданской войны. С необыкновенной сыновней нежностью вспоминает он художника Владимира Дмитриевича Фалилеева, издателя и большого знатока книги Михаила Васильевича Сабашникова, живописца Илью Семеновича Остроухова, Константина Сергеевича Станиславского и, конечно, Алексея Максимовича Горького, который безошибочно усмотрел в нем

будущее тогда еще совсем молодой советской литературы и одарил его не только напутствием, но и щедрой дружбой.

Признание не означало легкости пути. Напротив, путь этот состоит из преодолений и жесточайшей самозыскательности. Был в критике двадцатых и тридцатых годов немало предвзятых, ошибочных. От подобного рода критиков не спасали даже высокие отзывы Горького и Луначарского.

Но сколько было доброжелателей! Об одном таком опекуном уроке недавно поведал Леонид Максимович начинающим писателям, кстати, весьма полезном не только литераторам: «Илья Семенович Остроухов был очень хороший художник и очень богатый человек — собиратель русской живописи. Я с ним познакомился, когда мне было 23 года, а когда он умер, мне было 29 лет. Он ко мне относился, вы меня поймите правильно, я для дела говорю, весьма почтительно, хорошие мне вещи говорил насчет будущего. Сам он был громадного роста старик, носил берет. Суставы у него болели. Громадная рука такая... Лекарств было много. Я ему однажды, мне лет 25 было, прочел одну повесть. Он сказал: «Нельзя это печатать». «Илья Семенович, — говорю, — приходится, что делать (я жил тогда на 25 рублей с женой), приходится». «Нельзя вам печатать. Будете каяться, нельзя». «Обещал Воронскому — будет ругаться». «Сорьтесь, — говорю, — я вам разрешаю». «Но номер уже в машине, ждет этой вещи». «Ничего, забьют чем-нибудь дыру». Я говорю: «Илья

Семенович! Лето идет, деньги нужны». Он как этим кулачком грохнул по столу — пузырьки эти все подпрыгнули — и сказал: «Уголь идите грузить, если деньги нужны! Вы не имеете права печатать эту вещь».

Я от него уходил поздно ночью. Вся дорогу ревел от злости. Поднял воротник — был мороз. А вещь эту не напечатал до сих пор. Думаю, что правильно это было сделано».

В этой же беседе с молодыми говорилось: «Я хочу вас предупредить о предварительной обкатке. Не торопитесь, не торопитесь, потому что всякий исписанный лист бумаги — это испорченный лист бумаги, всякий же чистый лист бумаги — это потенциально гениальное произведение».

Хорошо, если молодежь примет совет этого на свое «производственное» вооружение, что же касается воспроизведенного здесь давнего разговора, то тогдашний молодой его участник запишет много лет спустя об Остроухове: «...до могилы буду вспоминать его колочую и зоркую нежность к моим первым литературным рукоделиям».

Совсем недавно встретился Леонид Максимович с выпускниками театрального института, режиссерами по классу Ю. А. Завадского, которые избрали для дипломного спектакля первую его пьесу «Унтиловск». И здесь, в кругу советских и иностранных студентов, Леонов не изменил себе. О персонажах пьесы говорил через исполнителей, всячески хвалил Москвина, Соколова, Ливанова, Станиславского.

Спустя не один десяток лет он вновь посещает последнюю квар-

тиру Горького. Присматривается ко всему, вспоминает. Внимательно перелистывает страницы дарственных книг. И тут впервые увидел аккуратные пометки Горького в томике «Соти» и задержался на подчеркнутых красным словах: «В этой стране возможно все вплоть до воскрешений». Потом погладил вырезанных им когда-то из пня двух причудливых персонажей своего рассказа «Буряга» и подаренных Алексею Максимовичу полстолетия назад, постоял в не раз описанной мемуаристами столовой. Постоял, подумал, быть может, о чем-то недосказанном, до конца не выясненном и отраженном одним горьковским письмом: «О чем «о самом главном не переговорили мы», как Вы пишете? Мне кажется, что самое главное — почувствовать друг друга, а это, на мой взгляд, было. Слова — особенно избюленные или привычные — часто являются помехой понимания людей, особенно если люди не только разных возрастов, но и разных эпох, как Вы и я».

Да, «главное было» и состоял в безмолвной, строго доверительной передаче того, о чем говорил позже Леонов, характеризуя Горького, который «был на службе у правды народной и защищал ее так, точно она была его собственным телом».

Для Леонova наша отечественная словесность не уместается в рамках привычной периодизации, и поэтому в речах его о Толстом, о Горьком и не только в них вместо положенных юбилейных суждений определяется степень активного, всестороннего вмешательства в жизнь современников и в процесс сегодняшнего и завтрашнего развития нашей литературы. Нельзя просто сказать, что Леонов проявляет заботу о национальном нашем достоинстве, будь то природа или культура прошлого. Для него это естественное, повседневное состояние художника и гражданина.

Не раз приходилось Леонову своим веским словом и авторитетом выступать и в защиту «зеленого друга», и великого русского языка, подвергавшегося нападению ретивых реформаторов. Не просто как страстный публицист действует в этой области Леонов, но как настоящий ученый, глубоко и всесторонне знающий и безгранично любящий природу и национальную культуру нашу во всех ее проявлениях.

Вот он, приклонив голову, в раздумье остановился возле могучих неохватных деревьев, по-

саженных еще столетия назад, и говорит:

— С ними ведь здороваться надо! Спрашивать: как ваше здоровье, не надо ли чего?

А хранитель тех заповедных мест, зная приверженность гостя к охранительным делам природы, не без достоинства сообщает:

— А мы ведь гнилые места спиливаем, видите, железом обиваем (вот-де, какие мы заботливые).

Железо было ржавое, вода и сырость проникали свободно, никакого спасения великанов-деревьев не совершалось.

— Что вы, милый, — с глубокой горечью и досадой произнес Леонов, — их как зубы лечить, пломбировать надо...

Леонов вообще любит надежное, добротно сделанные и «ухаженные» вещи, будь то умная машина или простейший столярный инструмент.

Не раз печатно ратовал он за качество вещей, справедливо усматривая в этом степень достоинства их создателей. Что касается его самого, то столь многое содеянное им в искусстве слова выдержало испытания временем на прочность и надежно вошло в действующий духовный мир нынешнего и грядущих поколений. Леоновские романы и пьесы не просто повествуют, сообщают о значительных событиях, днях народа, а благодаря глубокому философскому осмыслению явлений жизни и тончайшему мастерству писателя включают читателя в активную мыслительную работу, в раздумья о жизни, о Родине, о своем достойном месте в общенародном строю.

«Мастер Вы, Леонид Леонов, на очень высокую гору идете, и быть Вам на вершине ее», — писал Горький почти полстолетия назад сегодняшнему юбиляру. Это было восхождение вместе со страной, партией и народом. Это были годы огромного неизмерного труда, строжайшей требовательности к себе могучего таланта.

Сегодня мы поздравляем Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, академика, большого, выдающегося писателя нашей современности.

Николай КАРЦОВ.

5 стр. ИЗВЕСТИЯ

29.5.74 г. № 124 (17662)